

СТЕФАНИИ
СЛОУН

Дьявол
в маске

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

С 48

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Stefanie Sloane

THE DEVIL IN DISGUISE

Перевод с английского *С.И. Деркунской*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Слоун, Стефани.

С 48 Дьявол в маске : роман / Стефани Слоун ; [пер. с англ. С.И. Деркунской]. — Москва : АСТ, 2015. — 317, [3] с.— (Очарование).

ISBN 978-5-17-087653-2

Лорд Уильям Рэнделл, герцог Клермон, — человек-скандал, повеса и оболститель, явно неподходящий жених для безупречной леди Люсинды Грей. Но ему непременно нужно покорить сердце девушки, более того, обручиться с ней и взять в жены. К чему же такая спешка? Или герцог вынашивает какой-то хитрый план? Да, план существует! Ведь Рэнделл состоит на тайной службе Короны, и ему велено спрятать Люсинду от наполеоновских шпионов. И разумеется, самое лучшее укрытие — его дом и его... постель.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Stefanie Sloane, 2011

© Перевод. С.И. Деркунская, 2012

ISBN 978-5-17-087653-2

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Лондон

Апрель 1811 года

Леди Люсинда Грей точно еще не решила, как ей поступить, когда чересчур настойчивый Мэтью Реддинг, лорд Катберт, сравнил ее глаза с Эгейским морем. Или с самым сверкающим из сапфиров. «Все это мне говорили и раньше», — с некоторым сожалением признала Люсинда. Причем говорили так красочно, как и не снилось бедному лорду Катберту.

— Придется мне упасть в обморок, полагаю... — пробормотала Люсинда, поправляя косынку из алансонского кружева, изящно заправленную в вырез ее бледно-желтого платья.

Лорд Катберт быстро отвел взгляд от груди Люсинды, и его круглое лицо вспыхнуло.

— Прошу прощения, миледи, — пробормотал Катберт.

Люсинда тотчас поняла, о чем думал сейчас ее самый серьезный поклонник; он думал, что ему удалось обольстить ее настолько, что у нее закружилась голова и она лишилась дара речи, захваченная происходящим.

— Лорд Катберт, я вас извиняю. — Пользуясь моментом, Люсинда, незаметно освободила руку из его влажной ладони. Соскользнув на другой конец диванчика и загораясь подушкой из золотистого дамаса, она попросила:

— Прошу вас, продолжайте, милорд.

Люсинде не терпелось увидеть, чем все кончится, хотя было ужасно соблазнительно упасть в обморок. Это был бы, без сомнения, очень эффектный обморок. Неумелая попытка лорда Катберта быть романтическим чем-то напоминала дорожное происшествие, и девушку просто мучил вопрос — чем же все это закончится?

«Обморок отменяется», — признала Люсинда со вздохом разочарования.

На протяжении последних нескольких недель она накопила гораздо больше опыта в подобных делах, чем могла себе когда-либо вообразить или пожелать. Бесконечная череда поклонников, оказавшихся у ее порога в этом сезоне, нисколько ее не радовала.

Виновата же во всем была ее дорогая подруга Амелия. Мысли Люсинды прервал громкий голос лорда Катберта. Не выйди Амелия в прошлом году замуж за графа Нортропа и не демонстрируй эта пара на удивление всем свою любовь так открыто... Ну, тогда бы Люсинда не оказалась бы в столь затруднительной ситуации.

Считаясь престарелой девой на протяжении последних нескольких сезонов, Амелия до появления графа Нортропа оставалась стойкой сторонницей прав женщин на независимость и самостоятельность, другими словами, на право женщины не выходить замуж.

— Если бы только лорд Нортроп не сломил сопротивление Амелии, — пробормотала Люсинда.

Однако мужчина, сидевший рядом с ней, ничего не услышал и продолжал разглагольствовать. Причем лорд Катберт был настолько погружен в свою заготовленную заранее речь, что Люсинда смогла вернуться к своим размышлениям о событиях, которые привели к тому, что лорд оказался в ее гостиной.

Незаметно считая крылатых херувимов, населяющих лепной потолок, она с сожалением признала, что лорд Нортроп, если быть точной, вовсе не преодолевал сопротивление Амелии. Все было совсем не так. В день, когда эти двое встретились, похоже, на небесах запели ангелы и сам Купидон чуть не рухнул с небес от радости, соединяя такую парочку.

«Нет-нет, никакой снисходительности и доброты», — мысленно укорила себя Люсинда. Но... она обожала Амелию как собственную сестру, и не радоваться обретенному ею блаженству в браке было бы непростительно. И если уж совсем честно, то Люсинда была рада за подругу. Просто обе они были совершенно уверены, что любовь — всего лишь уловка, изобретенная для поэтов. Чтобы было о чем писать...

А теперь стоит только посмотреть на Амелию и ее мужа, чтобы понять, насколько они с подругой ошибались.

Но настоящая сложность заключалась вот в чем... Лондон есть Лондон, и блаженное состояние Амелии означало: в светском обществе полагали, будто она, Люсинда, последует примеру подруги и тоже немедленно влюбится.

Честно говоря, Люсинду несколько тревожила вся эта история.

А от Амелии — никакой помощи. Совершенно уверенная в том, что Люсинда должна разделить ее счастье, она не предприняла ничего, чтобы защитить свою подругу и развеять ложные ожидания света. Напротив, Амелия старалась предоставить Люсинде любую возможность достичь такой же степени блаженства. Но огромное число потенциальных претендентов вызвало у Люсинды только разочарование, и Амелия уже почти отчаялась устроить счастье своей подруги.

Вот так Люсинда и оказалась в обществе лорда Катберта, и правила хорошего тона вынуждали ее терпеть его разглагольствования о бессмертной любви.

Катберт пригладил свои жирные каштановые волосы, и это заставило Люсинду оторваться от своих мыслей. Театрально откашлявшись, прочищая горло, лорд продолжил свои попытки поэтической лести:

— Леди Люсинда, ваши глаза, будьте уверены, — синейшие из синих. Синейшие из всех, какие я когда-либо видел. Правда, без сомнения.

Люсинда уставилась на него в изумлении. Она не знала, что и ответить на такой комплимент.

Лорд Катберт в растерянности заморгал:

— Д-да, довольно синие. Действительно — очень синие.

И в этот момент Люсинда осознала: не может неглупая леди терпеть и дальше всю эту чушь.

— Милорд... — Она встала с дивана, разглаживая тонкие батистовые юбки своего утреннего туалета. — Милорд, боюсь, наше с вами время истекло.

Катберт тут же вскочил со своего места. Шагнув к хозяйке, проговорил:

— Леди Люсинда, вы, наверное, нехорошо себя чувствуете?

Именно этой реплики она и ждала. Ей уже приходилось сталкиваться и с гораздо более докучливыми женихами за последние три недели, и теперь у нее не было сомнений в том, что ее актерский талант и на этот раз сослужит ей хорошую службу.

— Ну... Мне кажется... Можно сказать... — Она помолчала и, слегка покачнувшись, поднесла руку к виску. — Я должна покинуть вас. Немедленно, как можно скорее.

Катберт, кажется, решил воспользоваться таким развитием событий. Придвинувшись к ней еще ближе, он коснулся ее руки.

— Моя дорогая леди, скажите мне, что вам нужно, и я тотчас же это исполню.

Гость, конечно, проявил заботу, и Люсинде полагалось бы его поблагодарить, но в ее планы это не входило — она намеревалась изменить ход событий, и теперь ей следовало сделать другой ход.

— Лорд Катберт... — Люсинда изобразила судорожное глотание. — Я чувствую себя обязанной сообщить вам... Боюсь, как бы меня не стошнило. А мне так не хотелось бы испортить ваш изысканный красновато-коричневый жилет.

Катберт чуть не толкнул Люсинду на диван, стремясь избежать такого «боевого крещения». Он стремительно подскочил к маленькому креслу, где сидела Мэри, служанка Люсинды.

— Помогите вашей госпоже! — рявкнул он. — Немедленно!

— О, миледи... — Стряхивая с себя приятную дрему, Мэри встала с кресла.

Люсинда сдержала улыбку и посмотрела на гостя:

— Благодарю вас, милорд. Вы очень любезны.

Было ясно: свой жилет из красно-коричневой парчи лорд любил больше, чем Люсинду. И поэтому поспешно попятился к двери.

— Конечно-конечно... Я зайду к вам снова, в более подходящий момент.

Дворецкий Люсинды Стэнфорд явился очень быстро, и было очевидно: он ждал за дверью, в холле.

— Милорд... — произнес дворецкий с каменным выражением лица, сосредоточив свой взгляд на зеркале в позолоченной раме за головой гостя.

Лорд Катберт поклонился и тут же вышел из комнаты.

Закрыв за ним дверь, Мэри вздохнула, а ее хозяйка воскликнула:

— Этот был самый ужасный! О чем только думала Амелия?! — И в голосе ее явственно слышалось раздражение.

— Может, о том, что вы уже отказали всем подходящим женихам моложе семидесяти? — ответила Мэри. Она так давно служила у Люсинды, что могла позволить себе такую дерзость.

Люсинда рассмеялась. Откровенность Мэри ее развеселила, так что даже настроение улучшилось.

— Лорду Мэйборну больше семидесяти трех, как я полагаю, — заявила Люсинда. — И я очень сомневаюсь, что уже познакомилась с каждым «подходящим мужчиной». Уверена, что остались по крайней мере один-два, которых Амелия еще может включить в свой список, чтобы обеспечить мне счастье навеки.

— Я слышала, будто сын лорда Торпа — выгодная партия, — с невинным видом заметила Мэри.

Развеселив хозяйку, служанка распахнула дверь в безлюдный холл.

— Я предпочитаю взрослых мужчин, а не сосунков, — ответила Люсинда, переступая порог. — Конечно, я готова принять достойный вызов, но боюсь, что двадцатилетняя разница в возрасте между нами может оказаться препятствием, которое даже я не смогу преодолеть.

— Хм... — хмыкнула Мэри, выходя из комнаты вслед за своей хозяйкой. — Никакой в вас романтики, леди Люсинда. Никакой!..

— Когда речь идет о младенцах, я с тобой соглашусь, — бросила через плечо Люсинда, направляясь к лестнице.

Мэри снова хмыкнула:

— Не шутите так, миледи.

Люсинда с ухмылкой проговорила:

— Ах, Мэри, ведь это — неправда, и ты это знаешь.

— Неужели? — Служанка в очередной раз хмыкнула. — Вы действительно так думаете?

Люсинда поднялась на покрытую ковром ступеньку.

— Да, я так думаю. — И это было правдой. Она верила в романтические отношения, когда речь шла об Антонии и Клеопатре, Генрихе VIII и Анне Болейн, Артуре и Джиневре, Амелии и Джоне, хотя все эти истории закончились трагически, если не сказать больше.

«Не забыть бы напомнить об этом Амелии», — мысленно отметила она, продолжая подниматься по лестнице.

Дело в том, что романтика очень хороша для других; она просто не для нее, Люсинды. Ей не нужен мужчина, чтобы сделать ее жизнь полной. Да она и не хотела никаких эмоциональных бурь и... непонятного поведения. Ведь все это, кажется, характерно для влюбленных. А она этого не понимает и не жаждет.

— Полагаю, я должна вам поверить, — неуверенно ответила Мэри, жестом призывая свою хозяйку подниматься по лестнице.

Уильям Рэнделл, герцог Клермон, склонился над своей любовницей и провел языком от ее соска до того чувствительного места, где у основания шеи билась жилка. Женщина под ним извивалась, тяжело дыша и постанывая.

— Ну, давай же, Уилл! — умоляла она. — Давай же!

Уилл читал в глазах любовницы пьянящую смесь жадности и страсти, так что было ясно: женщина на пределе. Будучи не из тех, кто отказывает дамам, Уилл проник в нее еще глубже — он был очень деликатен и любезен.

— Ваша светлость. Если вы соизволите...

— Не будь такой вежливой, Беатрис. Что за церемонии? — пробормотал Уилл.

Но герцог тут же понял, что женщина вообще ничего не говорила. Сдержав проклятие, он взглянул через плечо. Герцогская спальня была погружена в полумрак, и шелковые портьеры почти не пропускали в комнату лучи послеполуденного солнца. Тем не менее Уильям рассмотрел своего камердинера, стоявшего в дверях.

— В чем дело, Смизерс?

Леди Беатрис Уинн судорожно вцепилась в его плечи, и Уилл внимательно посмотрел на любовницу. Теперь вместо страсти, которую он только что читал в ее глазах, в них появился страх, даже настоящая паника.

Герцог успокоил любовницу сдержанным поцелуем.

— Извини меня, я сейчас, — сказал он, поднимаясь с постели. — Сейчас разберусь... и мы продолжим нашу... дискуссию о благотворительности.

Беатрис, смутившись, натянула простыню до плеч. Надув губы, она пробормотала:

— Не думайте об этом, ваша светлость. Ваша любовь к ближнему может подождать. Но помните: чем дольше ближнему приходится ждать, тем больше он нуждается...

Уилл прекрасно понял предостережение Беатрис. Она уже доказала при прежних встречах, какой ненасытной подчас бывала.

— Миледи, не беспокойтесь. Запомните, на чем мы остановились. Хорошо?

Удовлетворенный тем, что успокоил Беатрис — насколько вообще может любовник успокоить свою любовницу, когда их прерывают на самом интересном месте, — Уилл схватил халат, поспешно накинул его на себя и, решительно затянув шелковый пояс, повернулся к слуге.

— Смизерс, я весь внимание. У тебя ровно две минуты. Идем?

Герцог величественно вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Взглянув на камердинера, проворчал:

— Черт побери, старина, ты соображаешь, как близок я был...

Смизерс указал на лестницу.

— Лорд Кармайкл ждет вас в библиотеке, ваша светлость.

Уилл помолчал ровно три секунды. Потом неохотно признал:

— И опять ты оказываешься невиноватым, Смизерс. Хотя... Хотя мог бы лучше рассчитывать время, старина. Одну-две минуты ты мог бы поразмышлять за дверью. Ты меня понимаешь?

Камердинер сдержанно кивнул:

— Да, конечно, ваша светлость. Но лорд Кармайкл убедил меня, что у него к вам дело неотложное. Может, принести вам сюртук или хотя бы брюки?

Уилл не смог сдержать улыбку. За столько лет службы у него Смизерс так и не оставил попыток заставить его блюсти правила приличия.

— Нет. Нет необходимости, Смизерс. Позаботься лучше о Беатрис. Может, подашь ей чаю?

— Конечно, ваша светлость.

Уилл прошагал босиком по холлу и, повернув налево, вошел в библиотеку. С шумом захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь, взглянул на визитера. К его разочарованию, мужчина, сидевший за его письменным столом, и бровью не повел при его появлении.

— Вам и в самом деле стоило принять предложение Смизерса насчет брюк, Клермон.

Проклятие! Этого человека ничем не удивишь! Уилл уселся и тщательно запахнул свой халат.

— К делу, Кармайкл. Одежда в некоторых обстоятельствах может быть помехой. Если бы я ждал вас, то, возможно, сделал бы другие приготовления.

— Сейчас три часа пополудни. Но конечно, «другие приготовления», возможно, и следовало бы сделать с учетом ваших развлечений наверху. Разве ее мужу не интересно, куда она отправилась?

На это замечание гостя герцог ответил улыбкой:

— Кармайкл, вам же хорошо известно, что Уинн, похоже, уже давно перестал обманываться насчет своей жены. И его это мало волнует, у него свои дела. Вот поэтому Беатрис — идеальная для меня женщина. Так что я должен быть благодарен ее мужу.

Кармайкл приподнял бровь, однако ничего не сказал — к великой досаде герцога. А тот осведомился:

— Так мы закончили комментировать мои постельные подвиги?

Гость с улыбкой кивнул:

— Да, закончили.

— Отлично! — Уилл поерзал в кресле, придерживая непослушный халат. — Тогда, старина, скажите мне: вы здесь с посланием коринфянам? Или вам просто очень захотелось увидеть меня?

Кармайкл снова улыбнулся. И снова кивнул:

— Хорошо, Уилл. Перейдем к делу. Так вот, мы получили сведения из нескольких надежных источников во Франции касательно готовящегося похищения.

— Кого же? — Уилл насторожился; он совершенно забыл о своей любовнице. — Уж не самого ли Веллингтона?

— Нет, — ответил Кармайкл и, поднявшись на ноги, принялся расхаживать по комнате. — Но цель — деньги. Причем на этот раз жертвой похитителей должна стать молодая состоятельная женщина. А если точнее — самая состоятельная женщина в Англии.

Уилл нахмурился. Кто же она? — спрашивал он себя. Его собственная семья занимала видное положение в свете, но герцог уделял мало внимания таким вещам, и теперь ему было сложно догадаться, о ком идет речь.

— Придется вам дать мне подсказку, старина. Боюсь, что за годы, потраченные на то, чтобы приобрести репутацию повесы, я лишился возможности поближе познакомиться с самыми состоятельными дебютантками светского общества.

— Леди Люсинда Грей, — ответил Кармайкл, останавливаясь перед сводчатым окном. — Дочь покойного графа Синклера. Конечно, титул теперь принадлежит двоюродному деду. Но леди Люсинда унаследовала от своего отца все состояние с неограниченным правом

распоряжения имуществом. Не говоря уже о лондонском доме и кое-каких других «безделушках».

Уилл с удивлением присвистнул.

— Однако же!..

— Вы с ней знакомы? — осведомился Кармайкл.

Уилл поудобнее устроился в кресле, вытянув перед собой босые ноги.

— С леди Люсиндой Грей? — переспросил он. — Только по слухам, слава Богу. Судя по тому, что я о ней слышал, похитителям придется нелегко. Красива, очаровательна и достаточно умна, чтобы на протяжении... лет десяти отказывать сотням мужчин. И леди Люсинда без труда переиграет похитителей.

— Да, возможно. Но боюсь, мы не можем рассчитывать исключительно на ее обаяние и способности, — возразил Кармайкл. — К счастью для нас, она, похоже, в этом сезоне присматривает себе мужа.

Кармайкл помолчал, глядя на Уилла так, будто тот должен был понимать, о чем речь.

— И тут-то в дело вступаете вы, — закончил он.

Герцог выпрямился и взглянул Кармайклу прямо в лицо. Но тот тут же отвернулся к окну, и Уилл пробормотал:

— Не уверен, что понимаю вас, сэр. Ведь всего несколько минут назад я напомнил вам, что потратил несколько лет на создание себе такой репутации, которая заставила бы свет поверить, будто я — неисправимый повеса. Это служило мне отличным прикрытием. А теперь вы хотите, чтобы я начал искать себе жену? Да кто же мне поверит?

— Ваша репутация в этом деле... Да, признаю, она является серьезным препятствием. Но вы, помимо всего, — еще и самый лучший актер среди всех коринфян, разве не так?

Уилл нахмурился и проворчал:

— Лесть вам не поможет, старина. Кроме того, почему бы вам не перестраховаться и не использовать в этом деле кого-нибудь другого? Тальбот или Уортон отлично подошли бы. Они такие, такие... — Герцог помахал рукой, подыскивая подходящее слово.

— Джентльмены. Полагаю, именно это слово вы ищете, — подсказал Кармайкл.

Уилл еще больше помрачнел.

— Да, джентльмены. Иными словами — мужчины, которым позволено будет приблизиться к женщине на расстояние в десять шагов. Но если вы задумали напугать эту девушку до смерти... ну, тогда точно подойду я. Один взгляд на меня — и она падает в обморок.

— Но зато, Клермон, у вас есть нечто, чего нет ни у одного другого мужчины в Англии, — заявил Кармайкл. — И это то самое, чего она отчаянно жаждет.

Уилл встал, подошел к камину и оперся о каминную полку.

— Что же такое может у меня быть? И чего так жаждет леди Грей?

— Царя Соломона, — тут же ответил Кармайкл.

Уилл в замешательстве пробормотал:

— Но зачем бы мог понадобиться самой богатой женщине в Англии мой жеребец? Ведь она может купить себе хоть целую конюшню отличных лошадей.

Кармайкл обошел письменный стол и стал перед Уиллом.

— Царь Соломон, как вы хорошо знаете, был выращен в Оксфордшире в поместье Уитхема, которое граничит с поместьем Бэмптон, принадлежащим леди Люсинде.

— Но зачем он ей? — недоумевал Уилл. — Неужели только затем, что она...